

Заумные бумаги

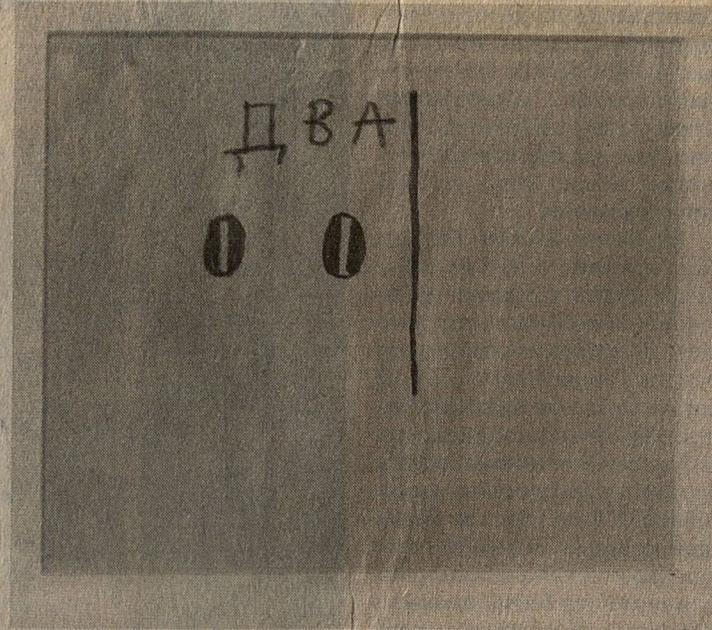
в галерее Московского центра искусств

Выставка авангард

В галерее Московского центра искусств на Неглинке открылись сразу две выставки из цикла «Новые русские коллекции». В залах центра искусств соседствуют коллекция русской беспредметной графики 1910–1920-х и экспозиция работ на бумаге Казимира Малевича 1910–1930-х годов. Рассказывает ИРИНА КУЛИК.

Работы Казимира Малевича, которые можно увидеть в галерее на Неглинке, ранее в России не выставлялись и, за редким исключением, в русских изданиях не печатались. Некоторые из них можно было увидеть на посвященной столетию Малевича выставке, организованной в 1978 году в парижском Центре Помпиду, что-то воспроизводилось в посвященных великому русскому авангардисту западных изданиях. С недавнего времени эти работы входят в собрание Artistica Foundation, которая и предоставила их для московской выставки.

Графические работы Малевича — не столько законченные

Арифметика по Казимиру Малевичу: $0 + 0 = 2$ ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

произведения (как представленные по соседству работы его современников, учеников или единомышленников Веры Ермолаевой, Кирилла Зданевича, Густава Клуциса, Алексея Крученых и других), сколько протоколы некоей концептуальной и фило-

софской работы, для которой завершённые полотна — что-то вроде отделяющихся при взлете ступеней космической ракеты. Представленные на Неглинке произведения позволяют проследить эту работу мысли на протяжении всего творческого пу-

Коммерсант - 2003 - 4 сент. - с. 14.

ти художника: от кубизма начала 1910-х до постсупрематизма 1930-х. Здесь есть эскизы будущих живописных произведений (иногда так и неосуществленных) и карандашные «аналитические схемы», анатомирующие уже существующие произведения других художников, например кубистическое полотно Пабло Пикассо «Скрипка» 1912 года, в устройстве которого Казимир Малевич разбирался в середине 1920-х годов.

Одни из самых необычных экспонатов выставки — парадоксальные «заумные» произведения 1914–1915 годов, созданные после «Победы над Солнцем», основополагающего для русского авангарда опыта сотрудничества Казимира Малевича с композитором Михаилом Матюшиным и одним из главных теоретиков и практиков «зауми», поэтом Алексеем Крученых. Впрочем, «заумные» композиции Малевича выглядят даже радикальнее, чем выставленные в соседних залах коллажи Крученых — нарядные разноцветные бумажки вперемешку с обрывками исписанных листов, на которых

при некотором усилии удается разобрать довольно мрачные тексты. У Малевича текста как такового практически нет, как нет и никакой визуальности. А есть, например, вырванный из блокнота лист, на котором еле намечены рыба, лестница, что-то вроде сломанных очков, квадрат и слово «Пудь». Еще одна бумажка, на которой в рамочке виднеется корявым почерком выведенная надпись «Драка на бульваре», — то ли подпись к несуществующему газетному снимку из рубрики «Происшествия», то ли обложка неведомой книги (на ум тотчас же приходят «Случаи» Хармса). Еще один клочок бумаги в клеточку, на котором написано слово «Два» и нарисованы два ноля. За тавтологической лапидарностью этого уравнения из школьной тетрадки по математике проступает логический парадокс: каким это образом ноль плюс ноль может дать двойку? Если же нолей действительно два, то чем отличается один ноль от другого? Может быть, на рисунке Малевича изображены не ноль и ноль, а, скажем, нуль и ноль, фундаментальному раз-

личию между которыми посвятит почти двадцать лет спустя один из своих мини-трактатов Даниил Хармс. Как известно, Казимир Малевич в 1920-е годы признал обэриутов своими последователями. «Я старый безобразник, а вы молодые», — сказал гуру русского авангарда начинающим поэтам.

Но «заумные» бумажки — только одна из фаз малевичских поисков. Потом будут и наброски, и разработки к постсупрематическому крестьянскому циклу. В этот период Казимир Малевич отходит от абстракции в живописи, но по-прежнему разрабатывает ее в графике. На листе, датированном началом 1930-х, разместились целых семь композиций. Три разнокалиберных черных квадрата и черный круг, супрематические конstellации крестов и прямоугольников, бегло нацарапанные пером, кажутся какой-то улетающей ввысь флотилией воздушных змеев. Во всяком случае, они уже никак не являются эскизом картины и никак не привязаны к реальности того клочка бумаги, на котором они набросаны.